

Ульяна Соболева
и Вероника Орлова

Позови меня...

– Я буду искать тебя в тысяче миров и десяти тысячах жизней, пока не найду...

– Я буду ждать тебя в каждой из них.

из фильма(с) 47 Ронинов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Соболева, Ульяна.
С54 Позови меня... / Ульяна Соболева, Вероника Орлова. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 320 с.

ISBN 978-5-17-095331-8.

Лия Милантэ – популярная писательница, автор мистических, эротических триллеров. Таинственный уровень Интернета «Тихий дом», тот самый, где таится черная бездна неизвестности и жутких сетевых лабиринтов с мертвыми сайтами, открывает Лие врата в самый настоящий Ад. Потому что после посещения одного из них грани вымысла и реальности для нее полностью стираются.

Нейл Мортифер оказывается не просто безумно любимым персонажем автора, а её Хозяином, который насильно вернул свою собственность обратно. В другой мир, так похожий на наш, но с иными законами, где люди просто еда и рабы для высших существ, таких, как Нейл, который находится у самой верхушки власти. Он – зло, первобытное, изначальное зло.

И Лия уже не знает, кто она на самом деле – писательница, которая запуталась в своих фантазиях или эксперимент под номером НМ13, который вышел из-под контроля.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095331-8 © У. Соболева, В. Орлова, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

Психиатрическая лечебница – это совсем не то место, где вам хотелось бы оказаться при любых жизненных обстоятельствах. Ни как гость, ни, уж точно, как постоялец. Чье-то безумие отталкивает. Вызывает ужас или жалость. Иногда и то и другое вместе. Это как уродливая изнанка человека, выставленная на обозрение.

Элис припарковала машину у серого здания с высоким забором и посмотрела на себя в зеркало. Поправила воротник блузки, автоматически повернула ключ в зажигании, заглушая двигатель. Какое мрачное место, даже на расстоянии ощущается некое давление безысходности. Примерно как на кладбище. Только на кладбище вас окружают останки мертвых тел, а здесь пристанище мертвых душ. Пустых, покалеченных, сожженных душ. Это по-настоящему страшно. Сейчас она уже не боялась этого места, так как побывала здесь несколько раз. А тогда... в самый первый... ее пробрало только от взгляда на стены, на забор с колючей проволокой, на каркающих над крышей ворон.

Элис всегда было страшно думать о том, что может довести человека до безумия. Что должно произойти в жизни, чтобы обычный банковский работник или тихая воспитательница детского сада вдруг превратились в кровожадных монстров? Или известная, популярная писательница вдруг решила сжечь себя прилюдно среди бела дня на глазах у сотен людей? До какой точки отчаяния нужно дойти и почему, чтобы принять такое решение или перестать контролировать себя и свои эмоции настолько? Что так ломает людей? Что превращает их в тело без души и без сердца?

Впрочем, рассуждать о нормальности можно до бесконечности. Есть общепринятые нормы поведения, навязанные обществом, и кто-то их нарушает, позволяя себе вывернуть наизнанку своих демонов, а кто-то удачно прячет их до самой смерти. Этим не повезло.

Элис вылезла из машины и поежилась от холода. Нужно было надеть плащ или куртку. Почему ей всегда кажется, что в этом месте так холодно? Намного холоднее, чем в городе.

Она помнила, как впервые приехала сюда. Вечно ей достается что-то, чего другие сотрудники делать бы не стали. Грязная работенка для Крафт – она не откажется. Еще бы Элис отказаться, когда она только начала работать в этом престижном журнале, когда на нее все еще смотрят как на чужую и она проходит стажировку после университета. Элис хваталась за любые статьи. Не важно, о чем, лишь бы оправдать ожидания. Работать по протекции не так просто, как кажется со стороны, особенно если ты бедная родственница жены главного редактора. В общем, она из кожи вон лезла. Естественно, когда Джоник (так называет тетя Элис своего мужа Джона Милтона) позвал ее в кабинет и попросил написать статью о некоей популярной писательнице любовных романчиков, она согласилась. Плевое дело. Так она подумала. Почитает рецензии к ее графоманству, полистает пару книженций по диагонали – и вуаля. Но Элис ошиблась. Они хотели не просто статью. Они хотели ее биографию, интервью с ней и также ее черновики, которые та так и не опубликовала в своем блоге. Естественно, Элис забыли рассказать, что писательница находится в психиатрической лечебнице. Эту информацию она получила тогда, когда уже дала согласие взяться за статью.

А теперь ей предстояло встретиться с какой-то ненормальной, которая пыталась себя сжечь и была признана опасной для общества. Потому что интервью Элис решила взять первым делом. Она привыкла с детства делать вначале именно то, что ей не нравилось, «отстреляться», и с чистой совестью приступить к более приятной работе. Она еще не успела прочесть ни одной из книг этого автора. Только зашла в блог, набитый до отказа фанатами. Куча дифирамбов, восторгов и подхалимажа. Все сочувствуют и охают, как такое могло приключиться с их кумиром? Не верят или злорадствуют. Но блог кишит равнодушными. Хотя Элис впервые услышала о ней. Мельком взглянула на ее фотографию, даже не запомнила, как выглядит. Да и, скорее всего, это какой-нибудь старый снимок, где автор получилась удачнее всего. Ну, или «фотошоп – наше все». Элис была уверена, что на самом деле увидит лицо сумасшедшей. Ей почему-то казалось, что это сразу заметно. Некая одержимость. Печать безумия во всем внешнем облике, как у чокнутой в романе «Джейн Эйр». Перспектива не прельщала, но работа есть работа. Раньше Элис писала статьи немного иного рода. Конечно, она мечтала, что когда-нибудь будет вести собственную колонку или даже раздел, но... до этого еще так далеко.

Журналистка ошиблась. Когда она впервые увидела Лию Милантэ, какой странный творческий псевдоним или имя, то невольно засмотрелась. Любопытство заставляло всматриваться иначе, чем смотришь на человека на улице. Перед встречей Элис предупредили, что пациентка неразговорчива и, возможно, она зря пришла. Но попробовать стоило. Элис уточнила, не опасна ли та для нее, и медсестра уверила, что нет. Что сейчас некая ре-

миссия в ее состоянии и Элис вполне может с ней встретиться. Она хотела уточнить, как часто бывают рецидивы, но не стала.

Лию привезла та самая медсестра, у которой Элис выспрашивала о своей безопасности. На инвалидном кресле. Журналистка смотрела как завороченная. Нет. Элис не нравились женщины, никогда не нравились. Ну точно не в том смысле, как мужчины. Но, несмотря на это, она все равно была под впечатлением. Эта женщина казалась Элис необычной, и дело не в ореоле тайны, не в ее популярности, но она даже в простом сером свитере, даже в этом инвалидном кресле была какой-то недоступно неизведанной. И дело не в красоте. Она бы не назвала ее красивой. Скорее, нечто неуловимое, то самое, что заставляет смотреть снова и снова. И она совсем не походила на сумасшедшую. Длинные черные волосы аккуратно уложены в узел на затылке, тонкие черты лица, аккуратные. Вот и разрушен стереотип – безумие не всегда имеет уродливый, страшный или отталкивающий облик. Журналистка не могла понять, что именно так привлекает, возможно, то самое нездоровое любопытство, присущее многим. Она видела достаточно красивых лиц в своей жизни и не всегда задерживала на них взгляд. Наверняка у этой женщины было достаточно поклонников, которые могли сходить по ней с ума, или она вполне могла сводить их с ума намеренно. Медсестра оставила их одних, и Крафт демонстративно откашлялась, чтобы привлечь внимание, но молчание не нарушала. Она все еще рассматривала пациентку. Почему-то рядом с ней показалась себе какой-то серой и обычной. Простушкой.

Странно, не правда ли? На Элис дорогая, элегантная одежда, а на пациентке скромный свитер,

плед на коленях и ни одного украшения. Понимала, что это слишком нагло – так разглядывать, но не могла отвести взгляд. Наконец-то она решилась заговорить.

– Здравствуйте, меня зовут Элис Крафт. Я – журналистка, и я пишу о вас статью. Я хотела бы задать вам несколько вопросов.

Ее проигнорировали, женщина смотрела на зашторенное окно и не моргала. Элис видела ее аккуратный профиль и слегка подрагивающие длинные черные ресницы. Сколько ей лет? Кажется, тридцать, судя по имеющейся информации, но на первый взгляд Элис бы затруднилась ответить на этот вопрос. Иногда бывают люди без возраста. Пока не заговорят, ты реально не можешь понять: перед тобой умудренная опытом взрослая женщина или наивный ребенок.

– Лия, – Элис не сдавалась, – ваши преданные фанаты мечтают прочесть о вас, узнать, как вы, хоть одно слово от любимого автора.

И снова тишина. Черт. Кажется, медсестра была права – разговора не выйдет. И зачем она перлась в эту глушь, непонятно. Еще несколько попыток, и можно заканчивать эту работу не начиная. В первый раз Элис уехала ни с чем. Она так и не заговорила с ней, а Крафт втайне радовалась, что с чистой совестью может оставить эту статью. Ну, или отделаться очерком об отзывах и книгах.

Она влетела в кабинет Джонни и, с трудом скрывая свою радость, сообщила, что интервью не вышло и в течение нескольких дней Элис предоставит ему статью.

И вот тогда ее словно ледяной водой окатили. Милтон сказал, что эта статья не нужна ему в течение нескольких дней. Что она может взять сколько угодно времени, но разговорить Милантэ обязана,

а самое главное – найти ее черновики, и что сейчас самое время показать себя, если Элис рассчитывает на постоянное место в журнале. Он то кричал, то переходил на умоляющий тон, то снова кричал, и она не понимала, какой дьявол в него вселился. Под конец он сказал, что Элис может считать это экзаменом и, если не добудет нужный материал, прощается с этой работой.

В тот день она ушла с работы намного раньше. Сказать, что расстроилась, не сказать ничего. Вечером встретилась с Энни, она извинялась за вспыльчивость Джоника, а потом рассказала, что статью у него заказали. Дали огромный аванс и обещали заплатить еще больше, если она будет опубликована, но самое главное – этот кто-то хотел получить черновики писательницы.

В противном случае они или он, Элис так и не поняла, кто именно, угрожал закрыть журнал. Она спросила, «почему я?». В редакции полно талантливых журналистов со стажем, Энни пожалала плечами и сказала, что Джон никому не доверяет. А она вроде как родная. Близкая. В общем, они уговорили. В тот вечер Элис начала читать книгу Милантэ. Приехала расстроенная домой, забралась на диван с ногами и, выкуривая сигарету за сигаретой, принялась за чтение, поглаживая кота за ухом. Выбрала наугад и открыла.

Когда закончила читать, уже было утро. Элис не поняла, что плачет, что выкурила пачку сигарет за несколько часов, что у нее красные глаза, словно в них насыпали песок, и она точно сегодня не уснет. Это была не просто книга. Не просто любовный роман. Она вывернула ей душу наизнанку, выпотрошила мозги, стерла все то, что она вообще когда-либо читала, из ее памяти. Ничего подобного с ней раньше не происходило. Элис

не покидало ощущение, что это не вымысел и автор писала о том, что прочувствовала сама. Иначе она вообще ни черта не понимает в людях. Элис снова вошла в ее блог. В ранние записи. Она искала те самые признаки безумия, неадекватности и не находила. Лия казалась ей уравновешенной, рассудительной, интересной и очень простой. Без присущего популярным людям высокомерия. Оказывается, она замужем или была замужем. Так как в Интернете Элис нашла ее семейные фотографии. На них Милантэ выглядела счастливой, влюбленной женщиной. Интересно, это муж упек ее в психушку или все же она действительно настолько невменяема?

Вечером Элис снова поехала к ней. Ничего не добились, та опять молчала, смотрела на зашторенное окно, не моргая, сжимая тонкими пальцами поручни кресла. Журналистка пыталась ее разговаривать, задавала вопросы, а ее игнорировали, словно она пустое место. Элис не удавалось заинтересовать писательницу совершенно, казалось, она думает о чем-то своем.

Она даже ни разу не посмотрела на посетительницу, не проявила ни малейшего интереса. Когда журналистка вышла из комнаты для встреч, наткнулась на все ту же медсестру, и они разговорились, вышли на лестницу покурить. Тэсс рассказала ей, что ухаживает за Лией уже несколько месяцев, что именно ради нее и перевелась в эту клинику, она ее фанатка и готова присматривать за ней столько, сколько понадобится. Элис постепенно начинало казаться, что все, кто приближались к этой женщине, попадали под какой-то странный гипноз, под ее мощное влияние, которое чувствовалось даже в безмолвии. Это все ореол тайны. Извращенное человеческое любопытство. От Тэсс она узна-

ла, что Милантэ попала в лечебницу больше чем полгода назад. Ее диагноз: маниакально-депрессивное расстройство психики, тяжелые галлюцинации и склонность к суициду. Попросту человек спутал реальность со своими книгами, периодически «уходил» в свой мир и почти не возвращался оттуда. На вопрос, почему она сожгла себя, та сказала, что не делала ничего подобного и это сделал кто-то другой. Кто? На этот вопрос женщина не ответила. Более того, это сама Лия считает, что ее ноги обгорели до кости, так же как и руки. На самом деле она получила незначительные ожоги, не имеющие ничего общего с ее невозможностью ходить.

– Она считает, что ее пальцы обгорели до мяса и что она не может ими шевелить, а тем более писать. Ее мучают дикие фантомные боли, и мы колем ей успокоительное. В остальное время она совершенно спокойна. Иногда... очень редко говорит мне несколько слов. Наверное, все талантливые люди немного сумасшедшие. Да и тонка грань между гениальностью и безумием. Талант сам по себе не норма, а отклонение от нее.

– То есть физически она совершенно здорова?

– Да. Полностью. У нее и шрамов почти не осталось.

– А где ее муж?

Тэсс пожала плечами.

– Не знаю. Говорят, она ушла от него год назад и переехала в другой город. Лия полячка по происхождению. Сюда переехала в юном возрасте, совсем девочкой. Я мало знаю о ее прошлом. Только то, что она сама рассказывала в блоге. Вы приходите почаще, я вижу, ей нравится ваше присутствие.

– А что говорят врачи? Возможно ли выздоровление?

– Этого никто не знает. Болезнь души – это не болезнь тела. Нет никаких прогнозов.

Иногда ей легче, иногда, наоборот, хуже.

– И как часто бывает хуже?

– Нет никакой закономерности. Иногда несколько недель она спокойна, а потом рецидивы.

– Рецидивы?

– Да. Она требует принести ей ноутбук или тетради. Дать ей возможность писать. Мы приносим, а она не может шевелить пальцами, кричит, плачет. Со стороны может показаться, что ей реально больно, словно эта дикая боль мешает ей прикасаться к клавиатуре или даже к шариковой ручке, но, тем не менее, она спокойно трогает другие предметы. Потом она зовет какого-то мужчину по имени. Громко зовет. Постоянно. Иногда пишет его имя на стенах.

– Она же не может писать.

– А вот это загадка для нас самих. Она пишет кровью. Прокусит палец и выводит на стенах. Жуткое зрелище.

– Вы знаете, кто это?

– Нет. Понятия не имею. Мне так ее жаль. Она такая нежная, беспомощная, хрупкая. Сердце разрывается от ее страданий, и никто ничем не может ей помочь. Только лекарства, которые колют насильно. Больше мы не ведемся на ее просьбы, потому что они провоцируют жесточайшие приступы.

– А кто оплачивает ее нахождение в клинике? Кто ее привез к вам?

– Не знаю. Я перевелась сюда, когда узнала об этом, спустя месяц после попытки суицида. Вся информация у Стэнли. Главврача. У меня нет к ней доступа.

– Ее кто-то навещает?

– Нет. Никто. За вас замолвили словечко и, видимо, приплатили. Официально все посещения запрещены.

– Почему? Она ведь не агрессивна.

Тэсс пожала плечами.

– Не знаю. Да и не мое это дело. Значит, есть причины. Вы тоже сильно не распространяйтесь. Узнает Стэнли – и вам запретят здесь появляться. В журнале прописывают, что вы навещаете другую пациентку.

Этой ночью Элис прочла еще один роман и снова уснула только под утро. Ее мучали кошмары. Она видела горящую живьем женщину, и та громко кричала, звала на помощь. Проснулась Элис в холодном поту. Хуже всего, что ей казалось, будто это она горит и громко кричит, у нее даже сел голос. Нужно найти эти чертовы черновики и завязывать с этой статьей. Но уже возник профессиональный интерес и дикое любопытство. Так бывает, когда вдруг появляется возможность заглянуть через окно в чужую жизнь, в чужие тайны, даже в чужую боль. У Элис было какое-то странное ощущение, что там, за этими равнодушными голубыми глазами, скрывается очень много тайн. И это не просто тайны, не какие-то жизненные неурядицы, сплетни и грязное белье... Нет. Там скрывается нечто, что заставило эту женщину облить себя бензином и чиркнуть зажигалкой, и Элис сомневалась, что причиной тому неудачная личная жизнь, развод с мужем, творческий кризис... Это иное. Что-то темное, непостижимое.

И она попыталась это постичь, думая, что найдет ответы в книгах. Элис прочла все, но, дочитав, вдруг поняла, что ничего особенного ей не открылось, кроме нового автора. Элис не могла с уверен-

ностью сказать, что ей безумно понравились книги. Даже больше, она читала авторов намного талантливее Милантэ. Но... в ее книгах было нечто. Нечто завораживающее, заставляющее дочитать до конца, заставляющее покрываться мурашками или рыдать навзрыд. Некая игра слов. Самых обычных знакомых слов, которые в совокупности вдруг создавали картинки. Очень яркие. Словно окунали туда...прямо в пекло, прямо в ад. Моментами становилось не по себе, и Элис откладывала чтение. Перевести дух. Прийти в себя.

Это при первом прочтении. Она понимала, что со временем перечитает, чтобы вникнуть получше. На третью встречу она уже шла подготовленной и верила, что на этот раз не уйдет ни с чем. Но, видимо, ошиблась. Лия снова смотрела на зашторенное окно, и, что бы Элис ни говорила ей, она ее не слышала.

Точнее, она слышала. Элис видела, знала, что слышала, но всем своим видом показывала полное равнодушие. Собственное бессилие перед чужим упрямством дико нервировало. Высокомерная зарвавшаяся стерва. Вот кто она. Прекрасно понимает и видит, что Элис это нужно, что она не просто так приходит, не просто так выспрашивает, и все равно полное игнорирование. Где-то в глубине души возникло желание тряхнуть за плечи. Подойти и грубо тряхнуть. Недели изучения материала, потраченное время впустую. И в голове голос Милтона о том, что она лишится работы.

– Сегодня прекрасная погода, Лия. Вас вывозят на улицу? Морозный день и солнце светит. Ярко, ослепительно. Небо очень голубое. Вы сами в своих романах как-то сравнили глаза одного из героев с небесной лазурью. Именно такое сегодня небо – пронзительное, как его глаза.